

Лу Цзинь замер на повороте подземного перехода. Вентиляционные трубы под потолком гудели, словно давя на уши тонким слоем железа. Он не оборачивался, но взгляд, устремленный ему в спину, словно прилип к коже — тихий, упрямый, с едва уловимым теплом.

Он шел не быстро, даже медленно. Но каждый шаг отдавался в груди, становясь таким тяжелым, что перехватывало дыхание.

Дверь наблюдательного пункта за его спиной тихо закрылась, звук металлического лязга растворился в потоках воздуха. Там по-прежнему стоял человек, прислонившись к перилам; его тень, вытянувшаяся на полу, походила на недописанную фразу.

Лу Цзинь поднял руку и коснулся тактического планшета на поясе, кончиками пальцев проведя по краю экрана. Новая схема обороны была загружена: на восточном рубеже добавлены три скрытые огневые точки, завершена калибровка усилителя сигнала фильтрационного клапана в западной части сектора С. Все шло строго по плану, без единой заминки.

Но рука его так и не разжалась.

Он знал, что шоколадка осталась лежать там же. Темно-коричневая упаковка, семьдесят процентов какао, нераспечатанная. Ее оставил Лин Хао. Не бросил мимоходом, не сунул в руки, чтобы отделаться, а аккуратно, бережно положил у поручней, словно боясь кого-то спугнуть.

Так же, как подают стакан теплой воды или тихо произносят: Тебе пора отдохнуть.

Именно поэтому у него так сдавило грудь.

Сладости на базе были редкостью. Линь Яо каждый раз, получая паек, тайком подкладывала ему в ящик пару конфет; Ши Тоу, возвращаясь с задания, неизменно выуживал из складки рюкзака мятый леденец, называя его трофеем; Эми вела себя еще страннее — однажды ради коробки клубничного мармелада она едва не заложила свой коммуникатор Цянь Ванью.

Но он никогда не думал, что однажды кто-то придет к нему с шоколадом — не ради лести и не для обмена.

Просто чтобы... чтобы он не так сильно уставал.

Он стиснул зубы и наконец зашагал дальше.

Аварийные лампы по обе стороны перехода заливали пол тусклым желтым светом, отчего тот казался серым и пыльным, словно старая бумага. Проходя мимо КПП у оружейного склада, он застал смену караула. Новичок, опустив голову, поправлял наруч, на его нашивке виднелось

пятнышко крема — точно такое же, как то, что Лин Хао видел вчера у люка системы очистки воды.

Лу Цзинь взглянул на это, но ничего не сказал и прошел мимо.

Лин Хао стоял у наблюдательного пункта, постукивая пальцами по карману. Шоколадка была там, ее уголок слегка топорщился, упираясь в бедро. Он больше не смотрел в ту сторону, куда ушел Лу Цзинь, а просто поднял голову к ночному небу.

Сегодня ночью небо было необычайно чистым, звезд — не счесть.

База Разбитого Клинка была построена в зоне рифтовой долины на высокогорье, воздух здесь был разрежен, пыли мало, и лишь зимними ночами можно было увидеть Млечный Путь. Сегодня как раз был такой вечер.

В детстве мать говорила ему: если не можешь уснуть, найди самую яркую звезду и смотри на нее, тогда сердцебиение постепенно успокоится.

Тогда он был маленьким и верил в это. Позже узнал, что мать просто не хотела, чтобы он видел, как она плачет.

Ветер со стороны руин принес запах ржавчины и охлаждающей жидкости. Далекий горизонт был черным, ровным, словно отрезанным ножом. Завтра на рассвете оттуда хлынет орда, и Лу Цзинь наверняка первым бросится в бой.

Он спрыгнет со стены, вонзит кулаки в грудь мутанта, ударом ноги отшвырнет набрасывающегося низшего зомби и продолжит рваться вперед, подобно острому клинку, вонзившемуся в ряды врага.

Он всегда так поступал.

Мог бы командовать всем сражением, но каждый раз лез в самое пекло; мог бы уже давно доказать, что сильнее всех, но продолжал раз за разом доказывать кулаками, насколько он жесток и непреклонен.

Но в тот момент, когда он смотрел на спину Лу Цзиня, напряженную, как тетива лука, ему вдруг расхотелось улыбаться.

Он, конечно, понимал, почему Лу Цзинь избегает его.

На дневной тренировке те слова прозвучали так жестоко, и столько боли было в глазах. Те слова предназначались не Чжао Цяню, а ему самому: Я должен победить всех, только тогда я

буду достоин стоять здесь; мне никто не нужен, особенно такой Альфа, как он, который даже в бой идти боится.

Смешно, но только он сам знал, насколько на самом деле опасен этот Альфа, который якобы боится сражаться.

Он отвел взгляд, достал из кармана шоколад и несколько секунд вертел его в руках.

На обертке виднелись мелкие серебристые буквы, складывающиеся в название давно закрывшегося бренда сладостей. Скорее всего, он припрятал эту плитку еще во времена Крепости Надежды. Столько лет хранил — не съел и не выбросил.

Он провел большим пальцем по шву и осторожно разорвал упаковку.

Щелк.

Тихий звук в ночной тишине прозвучал отчетливо.

Он не стал класть шоколад в рот, а аккуратно сложил обертку и сунул ее в нагрудный карман куртки. Затем снова прислонился к перилам, спрятал руки в карманы и замер, глядя на звезды.

Лу Цзинь простоял у входа в оружейный склад почти десять минут.

Зеленый индикатор замка горел, доступ был разрешен, но он так и не вошел. Он ждал, пока сердцебиение придет в норму.

Схема обороны в его руке смялась, края пропитались потом. Он знал, что должен войти, проверить снаряжение, уточнить запасы боеприпасов, сверить списки личного состава. Он делал это каждый день, скрупулезно, без ошибок.

Но сейчас в голове образовалась пустота.

Это не было напряжение или тревога. Это было странное чувство, словно в некой защитной стене внутри него появилась трещина, сквозь которую задувал холодный ветер.

Он вспомнил лицо Лин Хао — без улыбки, без привычной напускной развязности. Тот просто сказал: Ничего не случится.

Тон был настолько будничным, словно речь шла о погоде.

Но именно эта фраза встревожила его сильнее, чем любая провокация.

Он не боялся вызовов, не боялся сомнений и даже насмешек Чжао Цяня, публично обзывавшего его несбалансированным Омегой. Он боялся этой лишенной агрессии нежности.

Потому что она была совершенно иррациональна.

Она не давала шанса на ответный удар и не требовала реакции. Она просто появлялась внезапно, накрывала в самый незащищенный момент и оставляла после себя смятение, которое он не мог объяснить даже самому себе.

Он закрыл глаза.

В воображении возникла плитка шоколада.

Темно-коричневая, квадратная, простая упаковка. Именно такая, как он любил.

Ту, что в прошлый раз принесла Линь Яо, он решался съесть только тайком, когда никого не было рядом, и при этом приходилось прятать обертку. Однажды Эми застала его за поеданием конфеты и с издевкой воскликнула: Ого! У нашего капитана Лу есть такая милая сторона! В итоге он схватил ее за шиворот и вышвырнул из командного пункта.

Но теперь кто-то добровольно принес ему то же самое и сказал: Тебе это пригодится.

Не «я дарю тебе», не «возьми», а «тебе это пригодится».

Словно тот давно знал, что ему это будет нужно, словно видел насквозь всю его сдержанность и молчаливость.

Он резко открыл глаза и сжал пальцы так сильно, что едва не превратил схему обороны в комок.

Нельзя больше об этом думать.

Завтра тяжелый бой, он должен сохранять ясность ума. Эмоциональная нестабильность — самая опасная вещь. Приемный отец учил его: если командир начинает обращать внимание на чужие взгляды, значит, до поражения недалеко.

Он глубоко вздохнул, толкнул дверь и вошел в оружейную.

На него пахнуло холодным металлом.

Ряды стоек с оружием стояли в строгом порядке, в зоне ближнего боя висели его именные

перчатки, поверхность которых была покрыта сетью тонких энергетических узоров. Они были идеальным проводником для его способности Усиление материи, и каждый раз, надевая их, он чувствовал, как сила разливается по пальцам.

Он подошел, и в тот момент, когда он коснулся перчаток, его суставы тихо хрустнули.

В этот миг снаружи слышались шаги.

Легкие, ритмичные, совсем не похожие на поступь патруля.

Лу Цзинь замер, не оборачиваясь.

Дверь открылась.

На пороге стоял Лин Хао с ящиком для инструментов в руках и ветошью на плече. На нем была рабочая куртка из технического сектора, рукава закатаны до локтей, обнажая крепкие мышцы рук.

— Резервный насос в клапанном отсеке сектора С барахлит, пойду гляну, — сказал он спокойным голосом. — По пути зашел.

Лу Цзинь не ответил.

В комнате остались только двое, слышно было лишь дыхание.

Через несколько секунд Лин Хао развернулся, собираясь уйти.

В тот самый момент, когда он сделал шаг, Лу Цзинь произнес:

— Тот насос, который ты чинил...

Голос был низким, словно выдавленным из горла.

Лин Хао остановился.

— ...работает довольно ровно.

Воздух словно застыл на мгновение.

Лин Хао не обернулся, но его плечи едва заметно расслабились.

— М-м, — отозвался он и пошел дальше.

Перед тем как дверь закрылась, он бросил через плечо:

— Завтра утром первая волна пойдет в обход с юго-востока. Ветер сменился.

<http://bllate.org/book/19386/1896290>